

*Посвящается Барбаре Напьер,
которая в нужный момент дарила мне звезды*

И всем библиотекарям

Пролог

20 декабря 1937 года

П*ослушай, как все было.* Стоит углубиться на три мили в лес у подножия Арнотт-Риджа, и тебя обволакивает плотная, вязкая тишина. Щебета птиц на рассвете здесь не слышно даже в середине лета, а тем более сейчас, когда холодный воздух настолько пропитался влагой, что даже листья, отважно свисающие с ветвей, словно окаменели. Среди дубов и орешника все замерло в неподвижности: дикие животные ушли глубоко под землю, мягкие шкурки переплелись в узких кавернах дуплистых дубов. Снег был таким глубоким, что мул проваливался по колено, а потому то и дело покачивался и, подозрительно фыркая, пытался нащупать в этой бесконечной белизне шаткие камни и коварные ямы. И лишь прозрачные воды узкого ручейка уверенно направлялись, журча и булькая, по каменистому ложу в невидимый постороннему глазу конечный пункт.

Марджери О'Хара пробует пошевелить онемевшими пальцами ног в сапогах и невольно морщится, предста-

вив, как будет больно, когда ноги согреются. В такую погоду, даже надев три пары шерстяных чулок, ты все равно чувствуешь себя так, будто идешь босиком. Руками в толстых мужских перчатках Марджери стряхивает кристаллики льда с густой шерсти мула.

— Сегодня получишь дополнительную порцию еды, малыш Чарли, — говорит Марджери, глядя, как мул прядает большими ушами; чуть переместившись в седле, Марджери поправляет переметные сумки, чтобы сбалансировать груз, перед тем как спускаться к ручью. — Будет тебе на ужин горячая патока. А может, я и сама ее отведаю.

Еще четыре мили, думает Марджери, жалея, что плохо позавтракала. Мимо Индейского утеса, вверх по тропе между соснами, а там останется два раза крикнуть — и ей навстречу выйдет старушка Нэнси, распевая, как всегда, церковные гимны и размахивая руками, точно ребенок. Ее чистый сильный голос эхом разнесется по лесу.

— Незачем топать пешком целых пять миль, чтобы меня встречать, — каждые две недели повторяет ей Марджери. — Ведь это наша работа. Вот почему мы и едем верхом на лошади.

— Ой, вы, девочки, и так очень много для нас делаете.

Но Марджери прекрасно знает настоящую причину. Так же как и ее сестра, прикованная к постели в крохотной бревенчатой хижине в Ред-Лике, Нэнси не могла позволить себе прозевать очередной транш новых историй. Эта шестидесятичетырехлетняя женщина, с тремя уцелевшими зубами во рту, была большой поклонницей красивых ковбоев.

— От этого Мака Макгуайра мое сердце трепещет, как выстиранная простыня на веревке. — Нэнси хлопает в ладоши и возводит глаза к небесам. — Арчер его так описывает, что кажется, будто он вот-вот сойдет со страниц книги и закинет меня к себе на седло. — Нэнси заговорщицки наклоняется к Марджери. — А может, мне просто хочется поездить верхом. Мой муж говаривал, в молодости посадка у меня была что надо!

— Не сомневаюсь, Нэнси, — каждый раз отвечает Марджери, и Нэнси раздражается смехом и хлопает себя по ляжкам так, словно говорит это впервые.

Неожиданно раздается треск сухой ветки, отчего Чарли навострил уши. Уши такие большие, что мул наверняка способен услышать шум даже на дороге в Луисвилл.

— Сюда, мальчик. — Марджери отводит мула подалее от каменистого уступа. — Через минуту мы услышим ее голос.

— Куда путь держишь?

Марджери резко поворачивает голову.

Он слегка пошатывается, но взгляд твердый и прямой. Ружье опущено, но он, как последний дурак, держит руку на спусковом крючке.

— Ну что, Марджери, может, теперь посмотришь на меня, а?

У Марджери путаются мысли, но она говорит твердым голосом:

— Я вижу тебя, Клем Маккалоу.

— *Я вижу тебя, Клем Маккалоу,* — передразнивает он Марджери, выплевывая слова, точно задиристый ребенок на школьном дворе. Волосы у Маккалоу сбились набок. Похоже, он еще не проспался. — Ты даль-

ше своего носа вообще ничего не видишь. Да и смотришь на меня как на грязь под ногами. Будто ты какая-то особенная.

Марджери была не робкого десятка, но из опыта общения с этими горцами знала, что с пьяными лучше не связываться. Особенно с теми, кто держит в руках заряженное ружье.

Она поспешно перебрала в голове всех, кого могла обидеть — Господь свидетель, раз, два и обчелся, — но Маккалоу? И ей пришло на ум только одно.

— Если мой отец чем-то и обидел твою семью, то все это былем поросло и похоронено вместе с ним. Осталась только я, а кровная вражда меня не интересует.

Теперь Маккалоу стоит прямо у нее на пути, снег служит опорой для ног, палец по-прежнему на спусковом крючке. Кожа в сине-фиолетовых пятнах, типичных для того, кто так сильно надрался, что уже не чувствует холода. Возможно, тот, кто так сильно надрался, не попадет в цель, но Марджери не хотелось проверять это на себе.

Она поправляет груз, натягивает вожжи, ее взгляд скользит в сторону. Берега ручья слишком крутые, слишком заросшие, чтобы можно было проехать низом. Придется или уговорить Маккалоу посторониться, или направить мула прямо на него. Искушение сделать последнее слишком велико.

Мул прижимает уши. Внезапно становится так тихо, что Марджери слышит, как колотится сердце, как стучит кровь в ушах. Марджери рассеянно думает, что ее сердце еще ни разу не билось так громко.

— Мистер Маккалоу, я просто делаю свою работу. И я была бы вам крайне признательна, если бы вы позволили мне проехать.

Он хмурится, в преувеличенно вежливом обращении ему слышится скрытое оскорбление, и, когда он поднимает ружье, Марджери осознает свою ошибку.

— Свою *работу*... Думаешь, ты такая важная птица? Знаешь, что тебе нужно? — Он шумно сплевывает в ожидании ответа. — Девчонка, я спросил, ты знаешь, что тебе нужно?

— У меня имеется сильное подозрение, что мой вариант ответа диаметрально противоположен вашему.

— Ой, я гляжу, ты за словом в карман не лезешь. У тебя на все есть ответы. Думаешь, мы не понимаем, чем вы все тут занимаетесь? Думаешь, мы не знаем, что вы распространяете среди богобоязненных женщин? Мы знаем, что у тебя на уме, Марджери О'Хара, и есть только один способ изгнать дьявола из девицы вроде тебя.

— Ну, я бы рада остановиться и это выяснить, но мне нужно закончить объезд. Быть может, мы продолжим наш разговор...

— Заткнись! — Маккалоу поднимает ружье. — Заткни свою чертову пасть!

Она поспешно захлопывает рот.

Он делает два шага вперед, широко расставляя увязшие в снегу ноги:

— А ну-ка слезай с мула!

Чарли тяжело топчется на месте. Сердце Марджери становится обледеневшей галькой во рту. Если она развернется и попробует ускакать, Маккалоу ее пристрелит. Единственная тропа лежит вдоль ручья; лесная подстилка — голые камни, деревья слишком густо растут, чтобы пробраться вперед. И ни одной живой души на многие мили вокруг. Никого, кроме Нэнси, которая медленно пробирается через горную вершину.

Марджери сейчас одна-одинешенька, и он это знает.

Он угрожающе понижает голос:

— Я сказал, слезай с мула. Живо!

Он делает еще два шага вперед, снег скрипит под его ногами.

Вот она, голая правда о Марджери и обо всех женщинах в округе. Не важно, насколько ты умная, насколько сообразительная, насколько самостоятельная, тупой мужлан с ружьем всегда возьмет над тобой вверх. Ствол ружья так близко, что Марджери буквально смотрит в две черные бездонные дыры. Маккалоу с недовольным ворчанием выпускает ружье, позволив ему повиснуть на ремне за спиной, и хватается за вожжи. Мул резко поворачивается, Марджери неуклюже валится ему на шею и чувствует, как Маккалоу хватается ее одной рукой за бедро, а другой тянется к ружью. Дыхание Маккалоу отдает кислыми алкогольными парами, рука заскорузла от грязи. И буквально каждая клеточка тела Марджери сжимается от отвращения.

А затем она слышит это: звучный голос Нэнси вдалеке.

О, какой мир мы часто теряем!

О, какую ненужную боль мы несем...

Маккалоу вскидывает голову. Марджери слышит: «Нет!» — и с удивлением понимает, что крик этот вылетает из ее собственного рта. В нее впиваются мужские пальцы, грязная рука тянется к ее талии, и Марджери теряет равновесие. Железная хватка и зловонное дыхание Маккалоу говорят о будущем Марджери, которое превращается в нечто черное и ужасное. Но от холода движения мужчины становятся неуклюжими. Он возит-

ся с ружьем, повернувшись к ней спиной, и тут Марджери понимает, что это ее единственный шанс. Лево́й рукой она лезет в переметную сумку, а когда Маккалоу поворачивает голову, бросает вожжи, нашаривает правой рукой корешок толстой книги и с силой бьет ею — *хрясь!* — мужчину по лицу. Ружье выпадает у него из рук, трехмерное *трах* отражается от деревьев, и Марджери понимает, что пение Нэнси вдруг заглушается дружно взмывшими в небо птицами: дрожащее черное облако хлопающих крыльев. Маккалоу падает, а мул испуганно взбрыкивает и прыгает вперед, споткнувшись о неподвижное тело, Марджери ахает и хватается за лужу седла, чтобы не упасть.

И вот она уже мчится вдоль русла ручья, дыхание застревает в горле, сердце колотится. Ей остается только надеяться, что мул не поскользнется в ледяной воде. У Марджери не хватает духу оглянуться назад, чтобы проверить, не преследует ли ее Маккалоу.

Глава 1

Тремя месяцами раньше

Обмахиваясь руками от жары у дверей магазинов или стараясь держаться в тени эвкалиптов, жители в один голос признавали, что сентябрь выдался не по сезону теплым. В зале собраний Бейливилла стоял густой запах хозяйственного мыла, застарелых духов и тел, втиснутых в выходные поплиновые платья и летние костюмы. Тепло проникло даже в обшитые досками стены: дерево протестующе скрипело и вздыхало. Плотной прижатая к Беннетту, который пробирался вдоль занятых мест, извиняясь перед каждым, кто пропускал их с едва сдерживаемым недовольным вздохом, Элис чувствовала, как в нее проникает тепло всех тел, откидывающихся назад, чтобы их пропустить.

Простите. Простите.

Наконец Беннетт нашел два свободных места, и Элис, с пылающими от смущения щеками, села, не обращая внимания на косые взгляды окружающих. Беннетт посмотрел на лацкан пиджака, сдул несуществующую пылинку, затем уставился на юбку Элис.

— Ты что, не переоделась? — прошептал он.

— Ты же сам сказал, мы опаздываем.

— Я не говорил, чтобы ты появлялась на людях в домашней одежде.

Элис пыталась приготовить картофельную запеканку с мясом, чтобы стимулировать Энни подавать к столу не только блюда южной кухни. Однако картошка позеленела, а кинув мясо на сковороду, Элис вся забрызгалась жиром. Когда Беннетт зашел за ней на кухню (Элис, конечно, забыла о времени), то не мог взять в толк, почему, ради всего святого, перед таким важным мероприятием нельзя было предоставить решение кулинарных вопросов экономке.

Элис прикрыла ладонью самое большое жирное пятно на юбке, исполненная решимости не убирать руку по крайней мере ближайший час. Потому что все наверняка затянется на час. А может, и на два. Или — да поможет ей Господь! — на три часа.

Церковь и собрания. Собрания и церковь. Временами Элис Ван Клив казалось, будто она меняла одно нудное времяпрепровождение на другое. И этим самым утром в церкви пастор Макинтош битых два часа клеймил позором грешников, очевидно лелеявших коварные замыслы верховодить в их маленьком городе, и теперь, обмахнувшись руками, похоже, готов был продолжить разглагольствования.

— Сейчас же надень туфли! — прошептал Беннетт. — Тебя могут увидеть.

— Это все жара, — сказала Элис. — Я же англичанка и не привыкла к таким температурам.

Элис не увидела, а скорее почувствовала неодобрение мужа. Но ей было слишком жарко, и она слишком

устала, чтобы обращать внимание, а голос пастора оказывал нарколептическое действие, и Элис улавливала лишь каждое третье слово или вроде того: *прораствание... стручки... мякина... бумажные мешки* — и поняла, что все остальное ее мало волнует.

Замужество, говорили ей, — это увлекательное приключение. Путешествие в другую страну! Ведь как-никак Элис вышла замуж за американца. Новая еда! Новая культура! Новые впечатления! Элис представляла себя в Нью-Йорке, в аккуратном костюме, в шумных ресторанах или на запруженных народом улицах. Она бы писала домой письма, в которых хвасталась бы новыми впечатлениями. *О, Элис Райт? Это не она, случайно, вышла замуж за того шикарного американца? Да, я получила от нее открытку — она была в «Метрополитен-опере» или в Карнеги-Холле...* Но никто не предупредил Элис, что ее ждут бесконечные светские разговоры с престарелыми тетушками за чашечкой чая, бесконечная куча бессмысленного шитья и штопки, а что еще хуже — бесконечные смертельно скучные церковные проповеди. Бесконечные, длиннющие церковные службы и собрания. И боже, эти мужчины просто упивались звуком собственного голоса! Элис казалось, будто ее непрерывно отчитывают четыре раза в неделю.

По пути домой Ван Кливы успели остановиться в тринадцати церквях, не меньше, и единственная служба, которая понравилась Элис, была в церкви в Чарльстоне, где священник настолько утомил свою паству, что прихожане, потеряв терпение, дружно решили «его перепеть», а когда совсем заглушили его песнопениями, он наконец уловил сигнал и, разгневанный, прикрыл на день свою религиозную лавочку. Тщетные попытки священника перекричать все громче и громче распева-

ющих прихожан были такими смешными, что Элис не выдержала и захихикала. А вот паства в Бейливилле, штат Кентукки, как еще час назад обнаружила Элис, оказалась до ужаса восторженной.

— Элис, просто надень туфли. Пожалуйста.

Элис поймала на себе взгляд миссис Шмидт, в чьей гостиной она пила чай две недели назад, и поспешно устремила глаза вперед, стараясь не выглядеть слишком приветливой на случай, если миссис Шмидт пригласит ее к себе еще раз.

— Что ж, благодарим тебя, Хэнк, за совет, как хранить семена. Уверен, ты дал нам богатую пищу для размышлений.

Элис только было собралась сунуть ноги в туфли, как вдруг пастор добавил:

— О нет, не вставляйте, дамы и господа. Миссис Брейди просит уделить ей минутку вашего времени.

Элис, умудренная горьким опытом, снова сняла туфли. Вперед вышла низенькая, средних лет женщина — из тех, что отец Элис называл корпулентными, — крепко сбитая, с прочными формами, при виде которых невольно возникали ассоциации с высококачественным диваном.

— Я насчет передвижной библиотеки. — Миссис Брейди обмахнулась белым веером и поправила шляпку. — У нас уже есть кое-какие успехи, с которыми я хотела бы вас ознакомить. Мы все в курсе того, какое... хм... разрушительное влияние Депрессия оказала на нашу великую страну. Мы уделяли столько внимания выживанию, что очень многие аспекты нашей жизни отошли на задний план. Возможно, некоторые из вас в курсе титанических усилий, которые предпринимают наш президент и миссис Рузвельт с целью привлечь

внимание к проблемам грамотности и обучения. Итак, на этой неделе я имела честь присутствовать на чаепитии с миссис Леной Нофсьер, председателем Библиотечной службы родительского комитета штата Кентукки, и она сообщила нам, что Управление общественных работ учредило систему передвижных библиотек в нескольких штатах, причем пару таких здесь, в Кентукки. Некоторые из вас наверняка слышали о библиотеке, организованной здесь, в округе Харлан. Да? Ну, этот проект оказался невероятно успешным. Под эгидой самой миссис Рузвельт и УОР...

— Но ведь она принадлежит к Епископальной церкви.

— Что?

— Миссис Рузвельт. Она принадлежит к Епископальной церкви.

У миссис Брейди дернулась щека.

— Что ж, не станем вменять ей это в вину. Она наша первая леди, и она заботится о том, чтобы сделать нашу страну снова великой.

— Лучше бы заботилась о том, чтобы знать свое место и не лезть куда ни попадя. — Дородный мужчина в светлом льняном костюме потряс двойным подбородком и оглядел собравшихся в поисках поддержки.

Элис рассеянно оглянулась, и Пегги Форман, наклонившаяся вперед, чтобы одернуть юбку, приняла этот взгляд на свой счет. Она нахмурилась и, задрав крошечный носик, что-то пробормотала сидевшей рядом девице, которая в свою очередь смерила Элис недружелюбным взглядом. Элис сразу выпрямилась, прикладывая отчаянные усилия, чтобы не покраснеть.

«Элис, ты не вступишь в здешнее общество, пока не заведешь друзей», — не уставал твердить ей Бен-

нетт, как будто Элис могла стереть кислое выражение с лиц Пегги Форман и компании.

— Твоя подружка снова пытается наложить на меня проклятие, — прошептала Элис.

— Она вовсе не моя подружка.

— Ну, она полагает, что некогда была ею.

— Я ведь тебе уже говорил. Мы были просто детьми. А потом я встретил тебя... Ну и теперь это все в прошлом.

— Мне бы хотелось, чтобы ты так и сказал ей.

Беннетт наклонился к жене:

— Элис, ты всегда чудовищно отчужденная. Люди считают тебя... немного спесивой...

— Беннетт, я ведь англичанка. *Открытость...* нам несвойственна.

— Я только считаю, что чем скорее ты адаптируешься, тем лучше будет для нас обоих. Папа тоже так думает.

— Ой, да неужели?

— Не начинай.

Миссис Брейди недовольно покосилась в их сторону:

— Как я уже говорила, благодаря успеху подобных начинаний в соседних штатах УОР выделило фонды с целью создать нашу собственную передвижную библиотеку здесь, в округе Ли.

Элис с трудом подавила зевок.

Дома на комодѣ стояла фотография Беннетта в бейсбольной форме. Он только что отбил хоум-ран, и его лицо было одновременно напряженным и ликующим, словно в этот момент он испытывал нечто трансценден-

тальное. Элис хотелось, чтобы Беннетт хоть разок вот так посмотрел на нее.

Но когда Элис Ван Клив позволяла себе об этом думать, то понимала, что ее замужество стало кульминацией случайных событий. Разбитая фарфоровая собачка, когда они с Дженни Фицджеральд играли дома в бадминтон, так как на улице шел дождь, и что еще им оставалось делать? Потеря из-за систематических опозданий места в школе секретарей. Явно непристойная выходка, направленная против босса ее отца во время рождественских коктейлей. «Но ведь он положил мне руку на задницу, когда я разносила волованы!» — запротестовала Элис, на что ее мать, вздрогнув, заявила: «Элис, нельзя быть такой вульгарной!» Эти три события, а еще инцидент с участием друзей Гидеона, брата Элис: слишком много ромового пунша и испорченный ковер. Она не знала, что в пунше есть алкоголь! Ей никто не сказал! В результате родители решили предоставить ей, по их словам, «время для размышления», то есть запереть в четырех стенах. Элис собственными ушами слышала, как родители разговаривали на кухне.

«Она всегда была такой. Она точь-в-точь твоя тетка Харриет», — безапелляционно заявил отец, после чего мама целых два дня с ним не разговаривала, словно сама мысль о том, что Элис пошла в родственников по материнской линии, была крайне оскорбительной.

И вот после долгой зимы, в течение которой Гидеон посещал бесконечные балы и коктейли, по уик-эндам пропадал в домах своих друзей или тусовался в Лондоне, Элис мало-помалу выпала из всех списков приглашенных и в основном сидела дома, занимаясь без особого энтузиазма неряшливым вышиванием. Ее единст-

венными выходами в свет были визиты в компании матери к престарелым родственникам или посещение собраний Женского института, где обсуждались такие животрепещущие темы, как выпечка тортов, составление букетов и «Жития святых». Короче, все будто сговорились свести Элис смертельной тоской в могилу. Элис перестала расспрашивать Гидеона о подробностях светских вечеринок, поскольку от этого ей становилось только хуже. В результате она угрюмо играла в канасту, с небрежным видом жульничала во время игры в «Монополию» или сидела, положив голову на руки, за кухонным столом и слушала радио, где обещали большой мир за пределами душного мирка ее проблем.

Итак, два месяца спустя, одним прекрасным воскресным днем на церковном весеннем фестивале совершенно неожиданно появился Беннетт Ван Клив, с его американским акцентом, квадратной челюстью и белокурыми волосами, который принес с собой запахи другого мира, расположенного за миллионы миль от Суррея. Он мог бы быть даже Горбуном из собора Парижской Богоматери, и тогда Элис наверняка согласилась бы, что перебраться на колокольню — действительно отличная идея, спасибо большое.

Все мужчины, как обычно, смотрели на Элис, и Беннетт был сражен наповал элегантной молодой англичанкой с огромными глазами, со стильно подстриженными волнистыми светлыми волосами, с таким чистым звонким голосом, какого ему еще не доводилось слышать у себя в Лексингтоне. И, как заметил его отец, судя по изысканным манерам и умению изящно поднимать чашечку чая, она вполне могла бы быть британской принцессой. А когда мать Элис призналась, что благодаря брачным связям два поколения назад у них в роду

была даже герцогиня, старший Ван Клив едва не испустил дух от радости:

— Герцогиня? Королевских кровей? О, Беннетт, разве это не польстило бы твоей дорогой матушке?

Отец и сын совершали поездку по Европе с миссией программы помощи по линии Объединенной церкви Христа Восточного Кентукки, чтобы проверить, как почитается вера за пределами Америки. Мистер Ван Клив спонсировал также нескольких участников миссии в память о своей покойной жене Долорес, как он имел обыкновение говорить, когда в разговоре наступало временное затишье. Возможно, он и был бизнесменом, но это ничего не значило, абсолютно ничего, если работа не делалась под Божественным покровительством. Элис показалось, что его несколько обескуражили скромные и не слишком бурные проявления религиозного рвения у прихожан церкви Святой Марии, а прихожане в свою очередь были поражены страстной речью пастора Макинтоша о сере и адском пламени. Бедную миссис Арбатнот даже пришлось вывести через боковую дверь на свежий воздух. Но если британцам и не хватало набожности, то, как заметил мистер Ван Клив, они с лихвой компенсировали это своими церквями, своими кафедральными соборами и всей своей историей. *А разве это само по себе не являлось духовным опытом?*

Тем временем Элис и Беннетт были целиком поглощены собственным, ничуть не менее духовным опытом. Они прощались, держась за руки и обмениваясь пылкими заверениями в нежных чувствах, несколько экзальтированными в свете неотвратимой разлуки. А еще они обменивались письмами, пользуясь его остановками в Реймсе, Барселоне и Мадриде. Обмен этот достиг

почти лихорадочного напряжения во время приезда Беннетта в Рим, и, когда на обратном пути он сделал Элис предложение, это стало сюрпризом лишь для самых неосведомленных домочадцев, а Элис с проворством птички, увидевшей, что дверца клетки внезапно распахнулась, колебалась не дольше полсекунды, прежде чем сказать «да» своему сгорающему от любви — и уже восхитительно загоревшему — американцу. Ну и какая девушка не сказала бы «да» красивому мужчине с квадратной челюстью, который смотрел на нее как на хрупкую статуэтку? Тем более что все последние месяцы остальные смотрели на нее как на зачумленную.

— Ты само совершенство. — Они сидели, с поднятыми от ветра воротниками, на качелях в саду родителей Элис, Беннетт сжимал ее узкое запястье, а отцы молодых людей благосклонно следили за ними из окна библиотеки, причем оба чувствовали облегчение, хотя и по разным причинам. — Ты такая нежная и утонченная. Совсем как чистокровная лошадь.

— А ты до неприличия красив. Совсем как кинозвезда.

— Маме ты бы очень понравилась. — Он провел пальцем по щеке Элис. — Ты похожа на фарфоровую куклу.

Шесть месяцев спустя он уже не считал ее фарфоровой куклой. Элис была в этом абсолютна уверена.

Они молниеносно поженились, объяснив подобную спешку тем, что мистера Ван Клива ждут дела. У Элис возникло такое ощущение, будто весь ее мир полетел вверх тормашками; она чувствовала себя пьяной от счастья, особенно после того угнетенного состояния, в котором пребывала в течение этой долгой зимы. Мать Элис упаковала ее дорожный сундук с тем же слегка

неприличным удовольствием, с каким рассказывала каждому из своего круга о чудесном американском муже Элис и о его богатом промышленнике-отце. Возможно, было бы неплохо, если бы мать Элис выглядела чуть более печальной при мысли о том, что ее единственная дочь переезжает в ту часть Америки, где никто из знакомых никогда не бывал. Однако и Элис точно так же не скрывала своего желания уехать. И только ее брат неприкрыто грустил, хотя Элис не сомневалась, что проведенный в гостях ближайший уик-энд сразу излечит его от тоски. «Я непременно приеду тебя навесить», — сказал Гидеон, но оба знали, что не приедет.

Медовый месяц Беннетта и Элис включал пятидневное плавание по морю в Соединенные Штаты Америки, а затем — поездку по суше из Нью-Йорка в Кентукки. Элис нашла Кентукки в энциклопедии и сразу заинтересовалась скачками. Казалось, там круглый год проходит День скачек. Элис все приводило в щенячий восторг: их внушительный автомобиль, огромный океанский лайнер, бриллиантовый кулон, который Беннетт купил ей в Берлингтонском пассаже в Лондоне. Элис не возражала против того, что мистер Ван Клиф составлял им компанию в течение всей поездки. Ведь как-никак не могли же они бросить пожилого человека в одиночестве, а Элис была настолько воодушевлена перспективой покинуть Суррей, с его притихшими по воскресеньям гостиными и вечной атмосферой молчаливого неодобрения, что не стала возражать.

Если Элис и испытывала смутное неудовольствие тем, что мистер Ван Клиф прилип к ним точно банный лист, она быстро смирилась, стараясь казаться именно той восхитительной версией самой Элис, которую оба мужчины предпочитали видеть. На борту океанского

лайнера Элис с Беннеттом могли хотя бы прогуливаться после ужина вдвоем по палубе, пока отец Беннетта занимался деловыми бумагами или беседовал с молодыми пассажирами за капитанским столом. Беннетт обнимал Элис своей сильной рукой, а она поднимала вверх левую ладонь с новеньким сияющим золотым кольцом на пальце, в очередной раз удивляясь тому факту, что она, Элис, стала *замужней женщиной*. Ну а когда они прибудут в Кентукки, говорила себе Элис, она уже фактически станет *замужней женщиной*, поскольку им троим не придется делить одну каюту, отгородившись от отца занавеской.

— Это, конечно, не совсем то нижнее белье, которое положено носить невесте, — шепнула Элис, надевая сорочку и пижамные штаны.

После того как мистер Ван Клив во сне перепутал занавеску двуспальной койки молодоженов с дверью в ванную комнату, ни в чем другом Элис не могла чувствовать себя комфортно.

Беннетт поцеловал жену в лоб.

— В любом случае прямо сейчас, когда папа совсем рядом, слишком откровенное проявление чувств было бы неправильным, — прошептал он в ответ и, положив между ними длинный валик, добавил: — А иначе я могу потерять над собой контроль.

И они лежали рядышком, целомудренно держась за руки и шумно дыша, когда под ними вибрировал огромный корабль.

Оглядываясь назад, Элис понимала, что длинное путешествие было наполнено подавленным желанием, тайными поцелуями на палубе за спасательными лодками и полетом воображения, когда волны под ними ритмично взмывали вверх и падали вниз.